На правах рукописи

Низамутдинова Оксана Викторовна

ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕГИПТЕ (1952-2011)

Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история
(Новейшее время)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

КАЗАНЬ - 2020

Диссертация выполнена на кафедре алтаистики и китаеведения Института международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Научный руководитель:	**Валеев Рамиль Миргасимович** — доктор исторических наук, профессор, специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования, профессор кафедры алтаистики и китаеведения ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань).
Официальные оппоненты:	**Кириллина Светлана Алексеевна** - доктор исторических наук, профессор, специальность 07.00.03 – Всеобщая история, заведующая кафедры Истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва); **Илюшина Милана Юрьевна** — кандидат исторических наук, профессор, специальность 07.00.03 – Всеобщая история, профессор Департамента востоковедения и африканистики Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург).
Ведущая организация:	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург).

Защита состоится 28 января 2021 года в 13:00 часов на заседании диссертационного совета КФУ.07.02 при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420111, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, ауд. 502 (Корпус Института международных отношений). С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ул. Кремлевская, д. 35, читальный зал №1). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета http://www.kpfu.ru и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ http://www.vak.ed.gov.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент Белоглазов А.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Одна из главных проблем, которые стоят перед современным человечеством – это предотвращение конфликтов, влекущих за собой человеческие жертвы. Особенно тяжело избежать подобных инцидентов в регионах встречи разных культур. Выбранная нами страна – Египет – уникальна в этом отношении. На ее территории чуть менее полутора тысячи лет уживаются дохалкидонская церковь коптов – монофизитов (самоназвание – Коптская Православная Церковь (КПЦ)) и ислам разных толков. За века исламского господства копты утратили свой язык, но сохранили религию и национальную идентичность. Многовековой опыт совместного проживания народов отличных друг от друга культур представляет большую ценность для исследователей, т.к. на основе его анализа можно вывести принципы построения межкультурного, межрелигиозного диалога и принять их, с некоторыми поправками к современным реалиям.

Объект нашего **исследования** – межрелигиозные отношения в Египте, **предмет** – контакты между институализированным христианством в лице КПЦ и институализированным исламом. Под термином «институализированный ислам» мы понимаем устойчивые организации мусульманского духовенства, которые сложились произвольно или под воздействием государственной воли (университет ал-’Азхар, министерство вакфов и Дом *фатв* (Дар ал-’Ифта’), подчиненный министерству просвещения). Несмотря на то, что в исламе не существует феномена Церкви, уже с первых веков своего существования он приобрел черты системы с упорядоченными институтами: мечетями, школами, судами. После Османского завоевания Египта в 1517 г. тенденция централизации духовной власти усилилась: крупные ученые, *муфтии*, *кади* попали в зависимость от правителей, потому что массово нанимались на государственную службу. С приходом к власти Мухаммада ‘Али в 1805 г. была подорвала финансовая самостоятельность духовенства – *вакфы* из земель и недвижимости были конфискованы в пользу государства. В 1895 г. был учрежден Дом *фатв*, духовенство которого могло озвучивать решения по тем или иным религиозным вопросам от имени всего духовенства. Несмотря на это, огромное влияние сохраняла за собой корпорация *шайхов* ал-’Азхара. В 1911 г. было создано особое ведомство по контролю за *вакфным* имуществом, позже преобразованное в министерство. Роль *кади* постепенно сходила на нет, т.к. из круга их ведения постепенно изымались уголовные и арбитражные дела. В 1934 г. они были лишены права разбирать брачно-семейные споры, что превратило их в нотариусов. В 1955 г. все религиозные суды в Египте были упразднены. В связи с тем, что в XX в. в Египте появилось множество оппозиционных исламских организаций, чаще всего институализированный ислам будет именоваться

«государственным» или «официальным» (‘*улама’ ал-султа).* Также в тексте диссертации употребляется термин «*периферийные ‘улама’*». Это понятие ввела в науку профессор Малика Зегал, понимая под ним выпускников университета ал-’Азхар, которые предпочли преподаванию в альма-матер участие в оппозиционных исламских объединениях, например, в Ассоциации «Братья-мусульмане» (АБМ). Заметим, что в диссертации лишь косвенно упомянута проблема отношений между КПЦ и радикальным исламом. Отношения с суфийскими братствами и *накибами ал-’ашрафами*[1] оставлены вне рамок работы.

Что касается христианства, среди нескольких толков мы решили взять один – монофизитский, как самый древний и распространенный среди коптов.

Цель нашей работы – получение достоверных сведений о характере межрелигиозных отношений в Египте после работы с корпусом источников и литературы с применением методов научного познания. Из цели органически выходят **задачи**:

1. Выяснение последствий распространения идеологий панарабизма и социализма, с одной стороны, и исламизма, с другой, для институализированных ислама и христианства;
2. Выявление результатов принятия концепции общего гражданства («*ал-Муватаны*») в религиозной политике государства;
3. Анализ характера отношений между институализированными исламом и христианством сквозь призму меняющейся государственной политики;
4. Прогнозирование будущего развития межрелигиозных отношений в Египте.

Хронологические рамки нашего исследования ограничиваются 1952-2011 гг., т.е. временем руководства страной Г.‘А. ал-Насером, ’А. ал-Садатом, Х. Мубараком. Кроме того, в текст диссертации мы включили параграф «Религиозная политика Египта после 2011 г.», в котором выделили основные векторы развития межрелигиозных отношений после событий «арабской весны» и сделали прогноз об их возможной эволюции в ближайшем будущем.

Территориальные рамки диссертационного сочинения ограничиваются границами Египта как провинции в составе халифатов и султанатов, а также Египта как независимого государства.

Методы проведения исследования.

Для того, чтобы провести достоверное, всеохватывающее исследование проблемы, мы воспользовались некоторыми **методами** научного познания. Среди них мы выделяем следующие группы:

1. Универсальные научные методы:

Среди них для нас оказались полезны анализ и синтез, индукция, аналогия и моделирование.

2. Исторические научные методы.

[1] *Накиб ал-’ашраф* – глава корпорации потомков пророка Мухаммада.

Метод исторической периодизации был необходим при анализе государственной религиозной политики и при выделении внутри нее определенных течений.

Историко-генетический метод. С помощью этого метода нам удалось проследить взаимосвязь двух периодов развития государственной религиозной политики и доказать их органическое преемство.

Историко-сравнительный метод. Данный метод позволил нам выявить характерные особенности каждого периода развития государственной религиозной политики в Египте.

С помощью *принципа историзма* мы выстроили хронологию событий, последовательно изложили материал по логической цепочке.

Заимствованный из политологии *институциональный метод* также был использован нами для анализа места институализированного ислама и христианства в обществе на каждом этапе развития межрелигиозных отношений. При этом мы стремились в исследовании избежать поиска «роковых развилок» в истории, преувеличения роли личности и отрицания исторического прогресса.

Научная новизна данной рукописи, в первую очередь, определяется поставленной проблемой. При написании работы автор преследовала цель комплексно изучить внутренние процессы внутри институализированных ислама и христианства, а также внешнее воздействие на них и на отношения между ними государственной власти. Это позволило сделать наиболее непредвзятый вывод о государственной религиозной политике в Египте в 1952 – 2011 гг.

Кроме того, в данной работе впервые был введен в научный оборот ряд источников. К ним относятся неопубликованные документы организации «Дом египетской семьи», которые были получены в феврале 2017 г. от директора центра Коптских исследований ’Исхака ‘Аджбана. Это – решение о создании организации, устав организации, приказ премьер-министра №1279 от 2011 о создании «Дома египетской семьи». В данной работе также присутствуют ссылки на *фатвы*, касающиеся иноверцев, а также материалы по новой для науки теме – попытке обновления религиозного дискурса действующего президента ‘А.Ф. ал-Сиси и отношения мусульманского духовенства к ней. Эти сведения отражены в египетской периодической печати и видеозаписях.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры алтаистики и китаеведения Казанского (Приволжского) федерального университета и рекомендована к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Основные положения диссертационной работы представлены в восьми научных публикациях, из которых пять изданы в журналах из перечня рецензируемых научных изданий ВАК.

Основные результаты исследования были представлены в виде докладов на локальных и международных научных конференциях: Итоговой научной конференции студентов и

аспирантов ИМОИиВ К(П)ФУ (6 апреля 2016 г.) с докладом «Статус Коптской православной церкви в Египте (1950-1970 гг.)»; Конференции преподавателей К(П)ФУ (7 февраля 2017 г.) с докладом «Эмансипация коптов в XIX - нач. XXI вв.»; I Международном научном форуме «Личность, общество и государство в истории Запада и Востока: проблемы конфессиональных и политических отношений» при К(П)ФУ (17 мая 2018 г.) с докладом «Современные межрелигиозные отношения в Египте»; Конференции «Христианство на Востоке. К 100-летию академика М.Н. Боголюбова» при СПбГУ (2-3- ноября 2018 г.) с докладом «Политизация христианства в Египте на современном этапе»; Конференции «Ломоносовские чтения» при МГУ (16 апреля 2019 г.) докладом «Революция в исламе: быть или не быть?».

Практическая значимость диссертационной работы.

Анализ межрелигиозных отношений и государственного участия в их модерировании предоставляет исследователям практический опыт в конструировании механизмов мирного сожительства граждан различных культур на одной территории. Особую практическую значимость данная работа имеет для Татарстана как для субъекта, в котором уживаются ислам и христианство.

Положения, выносимые на защиту:

1. Межрелигиозные отношения в Египте после Июльской революции 1952 г. испытывают на себе влияние светских идеологий (*насеризма, исламизма, ал-Муватаны*), которые отражаются и на проводимой государством религиозной политике;
2. Институализированные ислам и христианство формируют образ друг друга не только сквозь призму государственной политики, но и благодаря полемическим сочинениям;
3. До 1980-х гг. стороны не были заинтересованы в контактах друг с другом. С появлением радикального ислама им пришлось стать союзниками, чтобы противостоять группам, которые отрицают авторитет «*‘улама’ ал-султа*» и угрожают безопасности иноверческих общин;
4. Деятельность радикальных исламских групп используется государством в качестве демонстрации реальной угрозы национальной безопасности. Государство требует единения общества вокруг себя;
5. Институализированные ислам и христианство не желают выражать поддержку власти постоянно, но они вынуждены это делать под страхом репрессий. На протяжении современной истории Египта опальные религиозные деятели ислама заключались в тюрьмы, а христианский клир (в т.ч. патриарх) годами могли жить в ссылке в кольце служб госбезопасности;
6. Несмотря на то, что в Египте существует проблема безопасности иноверцев, в обществе гораздо острее чувствуется конфликт между сторонниками исламизации (религиозного общества) и сторонниками секуляризма. Особенно ярко конфликт проявился во время президентства Мухаммада Мурси (2012-2013), который придерживался исламистских взглядов.

Большинство граждан не было довольно его политикой и не стало препятствовать военному перевороту 2013 г.;

7. В некоторые исторические периоды развитие межрелигиозных отношений определялось не институтами, а внесистемными течениями или же организациями мирян. К примеру, противостояние патриарха Кирилла VI и Совета мирян привело к объединению КПЦ и государства в борьбе против общего врага – коптской элиты.

Обзор источников. При работе над текстом диссертации автор использовала источники на русском, арабском и английском языках. Их можно разделить на нарративные и визуальные (фото- и видеоисточники), печатные и электронные, но главным критерием классификации остается происхождение и содержание.

В **первую группу** вошли юридические документы: Конституции Египта 1923 г., 1956 г., 1971 г., 2012 г. и 2014 г., условия ал-'Азаби паши 1934 г. (приведены у Scott K. Brown II «The Coptic Church in Egypt: A Comment on Protecting Religious Minorities from Nonstate Discrimination» (Скотт К. Браун II «Коптская церковь в Египте: очерк о защите религиозных меньшинств от негосударственной дискриминации»)), приказ премьер-министра №1279 от 2011 г. о создании «Дома египетской семьи». Упоминания о принимаемых законах в обилии присутствуют в использованной литературе.

Вторая группа – Священное Писание и Предание, религиозные труды средневековых и современных исламских богословов, которые высказывались по вопросам статуса иноверцев. К ним относятся перевод смыслов Корана Ю.И. Крачковского, краткий сборник *хадисов* «Сахих ал-Бухари» в переводе А. Нирши, книга 'Абу Йусуфа «Китаб ал-харадж» («Книга о харадже»), статьи верховного *шайха* ал-'Азхара 'Ахмада ал-Тайаба в газете «Савт ал-'Азхар» («Голос ал-'Азхара») «На'ам ли ал-Таджид… Ла ли ал-Табдид» («Да – обновлению, нет – его искажению»), «ал-'Азхар ва Таджид ал-Фикри ал-Дини» («ал-'Азхар и обновление религиозной мысли»), статья *азхарита* Мухаммада 'Имары «Шахадат Кибтийа ли ал-Шари'а ал-'Исламийа» («Свидетельства коптов об исламском *шари'ате*») и его монография «Фи ал-Мас'ала ал-Кубтийа. Хака'ик ва 'Аухам» («Коптский вопрос: правда и вымыслы»), статья ливанского *'алима* 'Али 'Амина «Назара Фикхийа фи ал-Муватана ва ал-Ватан ва ал-Та'айуш ал-Силми» («Взгляд *фикха* на ал-Муватану, Родину и мирное сосуществование»), сборник *фатв* верховного *шайха* ал-'Азхара в 1973-1979 гг. 'Абд ал-Халима Махмуда и *фатвы* Дар ал-'Ифта'. Огромное влияние на работу оказали материалы проходившей в 2014 г. в Каире конференции «ал-'Азхар в противостоянии терроризму», на которой видные *'алимы* высказывались по вопросу статуса иноверцев в исламском обществе, их правах и обязанностях. Необходимо заметить, что текст диссертации опирается на статьи ВАК О.В. Низамутдиновой «Отношение к коптскому вопросу *шайхов* университета ал-Азхар» и «Современные межрелигиозные

отношения в Египте», которые, в свою очередь базируются на следующих источниках: «ал-’Ислам ва ал-Насранийа ма‘а ал-‘Илм ва ал-Маданийа» («Отношение ислама и христианства к науке и цивилизации») *’имама шайха* Мухаммада ‘Абдо, «Фатава ал-Ша‘рави Кул Ма Йахумму ал-Муслим фи Хайатихи ва Йаумихи ва Гаддахи» («*Фатвы* ал-Ша‘рави: все, что нужно мусульманину в его жизни здесь и в загробном мире») *шайха* Мухаммада Мутавалли ал-Ша‘рави, «ал-Муватана ва ал-Та‘айуш ал-Силми фи Манзур ал-’Ислам» («Взгляд ислама на ал-Муватану и мирное сосуществование») *шайха* Мухи ал-Дина ‘Афифи. Среди видеоматериалов к этой группе относятся записи «Лака’ ал-Шайх ал-Ша‘рави ма‘а ал-Баба Шануда» («Встреча *шайха* ал-Ша‘рави с Папой Шенудой»), «ал-Лака’ ма‘а Баба Шануда – ’у.д. Мухаммад Сайид Тантави шайх ал-’Азхар» («Встреча *шайха* ал-’Азхара Мухаммада Сайида Тантави с Папой Шенудой»), «Йа тилфизуйн: Шайх ал-’Азхар Гад ал-Хакк – ал-Муфти Сайид Тантави – Камал ал-Ганзури» («О, телевидение!» *Шайх* ал-’Азхара Гад ал-Хакк, *муфтий* Сайид Тантави, Камал ал-Ганзури»).

Третья группа – документы Коптской православной церкви. Они представлены книгой ’Исхака ’Ибрахима ‘Аджбана «Баба ал-Хивар ва ал-’Иттисал. Сиджл Тарихи ли ал-Мавакиф ал-Ватанийа ли Кадасати ал-Баба ал-Шануда ал-Салис, Баба ал-’Искандарийа ва Батрирк ал-Кираза ал-Муркусийа» («Человек диалога»: историческое свидетельство патриотической позиции папы Шенуды III Александрийского, патриарха престола св. Марка»), документальным фильмом «Foreigner for the World: English Documentary Movie about H. H. Pope Shenouda» («Не от мира сего»: документальный фильм о Его Святейшестве Папе Шенуде на английском языке»), видеоинтервью Папы Тавадроса II «Коптский патриарх: Запад использует радикальный ислам, чтобы уничтожить христианство».

В **четвертую группу** объединены речи первых лиц Египта и воспоминания египетских и советских госслужащих. Сюда входит сборник выступлений Г.‘А. ал-Насера «Проблемы египетской революции. Избранные речи и выступления», видеозаписи «Egyptian President Gamal Abdel Nasser on the Muslim brotherhood in 1966» («Президент Египта Гамал Абд ал-Насер о «Братьях-мусульманах» в 1966 г.»), «Nasser and the Muslim Brotherhood» («Насер о «Братьях-мусульманах»), «Ал-Ра’ис ал-Сиси: Лан ’Асмах би-’Иса’а ли-Дин ’Ислами («Президент ал-Сиси: Не дам нанести вред исламской вере»), воспоминания советника ’Анвара ал-Садата Мухаммада Хасанайна Хайкала «Хариф ал-Гадб» («Осень гнева»), воспоминания советского посла в Каире В.М. Виноградова «Египет: от Насера к Октябрьской войне. Из архива посла».

Пятая группа – публикации газеты «Маджалла ал-’Азхар» («Журнал ал-’Азхара) и электронных СМИ «Ahramonline» («Ахрам онлайн»), «Egypt Today» («Египет сегодня»), «ал-Масри ал-Йаум» («Египет сегодня»), «ал-Фаджр» («Рассвет»), аналитика Middle East Monitor («Ближневосточное обозрение»), сообщения с сайта Института Ближнего Востока. Особое

внимание заслуживают статьи на портале «Савт ал-’Азхар» («Голос ал-’Азхара»): «Ра’с Харба ’Азхарийа фи Малафф Тадждид ал-Хитаб ал-Дини («Глава ал-’Азхара об обновлении религиозного дискурса») ’Ахмада ал-Сави, «Тадждид ал-Фикр ал-’Ислами ва Тадждид ал-Турас фи Фикр ва Минхадж ва Хитаб ал-’Азхар ал-Шариф ва Шайхихи ал-Джалил» («Взгляд ал-’Азхара и его достопочтенного *шайха* на обновление исламской мысли и обновление традиции») Раджа’и ‘Атийи.

Кроме вышеперечисленных источников при написании диссертации автор использовала переведенную хронику ‘Абд ар-Рахмана ал-Джабарти «Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776-1798)», «Мукаддиму» Ибн Халдуна в переводе А.В. Смирнова, воспоминания жены Г.‘А. ал-Насера Тахии «Nasser: My husband» («Насер: мой муж»).

Степень изученности темы.

В научной литературе, с которой нам довелось работать, отсутствует исследование, в котором было бы показано развитие межрелигиозных отношений в Египте с учетом воздействия на них государственной религиозной политики. Ученые, в сферу научных интересов входит изучение христианства или ислама в Египте, обычно сосредотачиваются на отдельной религиозной группе или повествуют о межрелигиозных отношениях в определенный исторический период – правление конкретного правителя, нахождение у власти конкретной династии или режима. История КПЦ на протяжении VII-XX вв. без соотнесения с развитием ислама описана в энциклопедической статье в Православной энциклопедии.[2] Наиболее объемные и подробные работы по теме мусульмано-христианских отношений в традиционном обществе оставили арабоязычные авторы Хамди ал-Батран,[3] Тарик ал-Бишри,[4] Фикри ’Андравус.[5] Несмотря на то, что три последних историка приводят в своих книгах огромный массив материала, мы не полагались на их выводы ввиду присущей им тенденциозности, или, по выражению великого русского историка Н.И. Кареева, «незаконного субъективизма». При изучении данных работ складывается устойчивое мнение, что цель их написания состояла не в максимально адекватном отражении действительности, а в создании определенной мифологической картины межрелигиозных отношений в Египте.

Большое доверие у нас вызывают труды европейских историков и отечественных исследователей: профессора МГУ Светланы Алексеевны Кириллиной и профессора МГУ Фариды Мустафовны Ацамбы,[6] профессора филиала ВШЭ в Санкт-Петербурге Евгения Ильича

---

[2] *Коптская церковь* // Православная энциклопедия. Том XXXVII. – Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015. – с.512-610.
[3] *Хамди ал-Батран*. Ал-Малаф ал-Кубти. – Дар ал-Сакафа ал-Джадида, 2015. – 259 с.
[4] *Тарик ал-Бишри*. Ал-Муслимун ва ал-’Акбат фи ’Итар ал-Джама‘а ал-Ватанийа. – Дар ал-Шурук, 1988. – 726 с.
[5] *Фикри ’Андравус*. Муслимун ва ’Акбат фи Тарих. – ал-Кахира: Дар ал-Сакафа ал-Джадида, 2014. – 339 с.
[6] *Ацамба Ф.М., Кириллина С.А.* Религия и власть в Османском Египте (XVIII – первая четверть XIX в.). – М.: Изд-во Московского университета, 1996. – 160 с.

Зеленева,[7] старшего научного сотрудника Российской Академии народного хозяйства и государственной службы Юлии Викторовны Зинькиной,[8] профессора Лютеранской школы теологии Чикаго Марка Свансона,[9] немецкого коптолога и пастора Отто Мейнардуса,[10] профессора Иерусалимского университета Милки Леви-Рубин,[11] профессора Иерусалимского университета Марка Кохена,[12] профессора Иерусалимского университета Йоханана Фридмана,[13] профессора колледжа Колби Девида Фрайденрайха.[14]

Для работы над переходным периодом (модернизация) мы привлекали исследования профессора МГУ Светланы Алексеевны Кириллиной,[15] доцента РУДН Куделина Андрея Александровича,[16] к.и.н. Фурсовой Е.Н.,[17] профессора университета Симона Фрейзера Пола Седры,[18] профессора университета Миссисипи Вивиан Ибрахим,[19] директора Александрийской библиотеки Мустафы ал-Феки,[20] научного сотрудника университета Левена Умара Рияда.[21]

Наибольший объем литературы по теме исследования представлен современным периодом. О нем активно публикуют статьи сотрудник Кильского университета им. Кристиана Альбрехта Себастиан Эльсессер,[22] уже упомянутая нами Вивиан Ибрахим, исследовательница из Лондонского университета экономики Элизабет Искандер,[23] профессор Американского

---

[7] *Зеленев Е.И.* Мусульманский Египет: учебное пособие. – СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. – 373 с.

[8] *Зинькина Ю.В.* Коптская община современного Египта: проблемы и перспективы. – М.: Институт Ближнего Востока, 2010. – 120 с.

[9] *Swanson, Mark N.* The Popes of Egypt 2: The Coptic Papacy in Islamic Egypt (641-1517) – Cairo: AUC Press, 2010. – 192 p.

[10] *Meinardus, Otto F.A.* Christians in Egypt: Orthodox, Catholic, and Protestant Communities: Past and Present – Cairo: AUC Press, 2006. – 177 p.

[11] *Levy-Rubin, Milka.* Shurut Umar and Its Alternatives: The Legal Debate on the Status of the Dhimmis // Jerusalem Studies in Arabic and Islam. Vol. 30. – The Hebrew University of Jerusalem, 2005. - pp. 170-206; *Levy-Rubin, Milka*. Shurut Umar from Early Harbingers to Systematic Enforcement // Beyond Religious Borders: Interaction and Intellectual Exchange in the Medieval Islamic World. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. – pp. 30-43.

[12] *Cohen, Mark R.* What Was the Pact of 'Umar? A Literary – Historical Study // Jerusalem Studies in Arabic and Islam. Vol. 23. – The Hebrew University of Jerusalem, 1999. - pp. 100-157.

[13] *Friedmann, Yohanan.* Tolerance and Coercion in Islam: Interfaith Relations in the Muslim Tradition. - UK: Cambridge University Press, 2003. – 248 p.

[14] *Freidenreich, David M.* Christians in Early and Classical Sunni Law // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Vol.1 (600-900). – BRILL, 2009. –pp. 99-114.

[15] *Кириллина С.А.* Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – Начало XX в.) – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. – 203 с.; *Кириллина С.А.* Ислам в Османском Египте в XVIII – первой трети XIX века (социально-политические и идеологические функции). Том 1. - М.: 1998. - 357 с.

[16] *Куделин А.А.* Социально- политический облик улемов Египта XVII-XVIII вв. // Вестник РУДН. Сер. «Всеобщая история». №3. - 2011. – с.47-62.

[17] *Фурсова Е.Н.* Коптская церковь в системе государственно-религиозных отношений в Египте (конец XVIII – начало XX вв.). – СПб, 2004; *Фурсова Е.Н.* О взаимоотношениях Коптской Церкви и египетского правительства в XIX в. // Христианство в регионах мира: Сборник статей. – СПб: Изд-во «Наука», 2008. – с.5-12.

[18] *Sedra, Paul*. Class cleavages and Ethnic Conflict. Coptic Christian communities in modern Egyptian Politics // Islam and Christian-Muslim Relations. Vol. 10. No. 2. – UK: University of Birmingham, 1999. – pp. 219-235.

[19] *Ibrahim, Vivian*. The Copts of Egypt. – London, NY: I.B. Tauris Publishers, 2011. – 258 p.

[20] *El-Feki, Moustafa.* Copts in Egyptian politics 1919-1952 - General Egyptian El-Feki Book Organization, 1991. - 210 p.

[21] *Ryad, Umar.* Islamic Reformism and Christianity: A Critical Reading of the Works of Muhammad Rashid Rida and His Associates (1898-1935). - University of Leiden, 2005. – 325 p.

[22] *Elsasser, Sebastian.* The Coptic Question in the Mubarak Era. USA: Oxford University Press, 2014. – 336 p.

[23] *Iskander, Elizabeth*. The Arab Spring and Coptic – Muslim Relations: From Mubarak to the Muslim Brotherhood // European Yearbook of Minority Issues. Vol. 11. – Bozen: BAILL WIJHOFF, 2012. – pp. 168-185; *Iskander, Elizabeth*. The

университета в Каире Магди Гиргис,[24] профессор университета Вейк-Форест Нелли ван Доорн-Хардер, [25] сотрудница университета Суссекса Мариз Тадрос, [26] профессор Гарвардского университета Малика Зегал, [27] научный сотрудник университета Симона Фрейзера Тамир Мустафа[28] и др.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Терминология. В диссертационной работе в обилии содержатся исламоведческие термины, которые выделены курсивом. Имена собственные людей транслитерированы с арабского языка по международному образцу. Этот стандарт закреплен в книге: *Ислам: энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 315 с*. Согласно нему, буква «ء» передается с помощью знака «’», буква «ع» - с помощью «‘». Дифтонги транслитерируются на русский язык через букву «и краткое». Огласовка «َ» соответствует букве «а», «ِ» соответствует «и», а «ُ» - «у». Арабская буква «و» в русском языке предается через «в». При написании артикля «ال» русскими буквами не используется мягкий знак – «ал-»; при этом не учитывается, лунная или солнечная буква идет после артикля.

Некоторые термины и имена собственные в диссертации написаны без учета вышеописанных правил ввиду их общеупотребительности. Это, к примеру, относится к имени «Джамал». Вместо него мы употребляем расхожий египетский вариант «Гамаль»

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение включает обоснование темы диссертации и ее актуальность, степень изученности проблемы, обозначение объекта и предмета исследования, цели и задачи работы, хронологические и географические рамки, описание методов научного исследования, научную новизну, апробацию результатов исследования, практическую значимость, положения, выносимые на защиту, общую характеристику источников и степень изученности темы диссертационного исследования.

“mediation” of Muslim – Christian relations in Egypt: the strategies and discourses of the official Egyptian press during Mubarak’s presidency // Islam and Christian - Muslim Relations. Vol. 23, №1. – UK: Routledge, 2012. – pp. 31-44.

[24] *Guirguis, Magdi.* The Copts and the Egyptian Revolution: Various Attitudes and Dreams // Social Research an International Quarterly of the Social Sciences. Vol. 79. No. 2. – 2012. – pp. 511-530; *Guirguis, Magdi. Van Doorn-Harder, Nelly*. The Popes of Egypt 3: The Emergence of the Modern Coptic Papacy – Cairo: AUC Press, 2011. - 264 p.

[25] *Van Doorn-Harder, Pieternella*. Copts: Fully Egyptian, but for a Tattoo? // Nationalism and Minority Identities in Islamic Societies. – Canada: McGill Queen’s University Press, 2005. – pp. 22-57.

[26] *Tadros, Mariz.* Copts at the Crossroads. The Challenges of Building Inclusive Democracy in Egypt – Cairo: AUC Press, 2013. - 282 p.; *Tadros, Mariz.* Copts of Egypt: Defiance, Compliance, and Continuity // Christianity and Freedom. Contemporary Perspectives. Vol. 2. - Cambridge University Press, 2016. – pp. 338-371.

[27] *Zeghal, Malika.* Religion and Politics in Egypt: The Ulema of Al-Azhar, Radical Islam, and the State (1952-94) // International Journal of Middle East Studies. Vol. 31. No.3. – USA: Cambridge University Press, 1999. – pp. 371-399.

[28] *Moustafa, Tamir*. Conflict and Cooperation between State and Religious Institutions in Contemporary Egypt // International Journal Middle East Studies. Vol. 32. No. 1. – USA: Cambridge University Press, 2000. – p. 3-22.

Первая глава «Исторические предпосылки формирования в Египте государственной политики по отношения к религиозным группам» посвящена анализу традиционного и модернизированного египетского общества и месту религии в нем. Чтобы выполнить эту задачу, в **первом параграфе «Традиционный религиозный уклад в Египте (до 1805)»** мы привели положения Корана и Сунны, мнения средневековых богословов (’Абу ал-Хасана ал-Маварди, ‘Абд ал-Малика ал-Джувайни, ’Абу Хамида ал-Газали, Ибн Таймийи) и философов (ал-Фараби, Чистых Братьеы, Ибн Сины, Ибн Баджа, Ибн Туфайла, Ибн Рушда, Ибн Халдуна) об идеальном устройстве исламского общества. Для понимания механизма регулирования жизни иноверцев в нем мы проанализировали феномен заключения договора между мусульманами и людьми Книги, который берет свое начало при жизни пророка Мухаммада, развивается при ‘Умаре б. ал-Хаттабе и, в конце концов, становится полулегендарным *Эдиктом ‘Умара* (*Шурут ал-‘Умар*) – условиями, на которых иноверцы имели право существовать в исламском обществе. В диссертации мы согласились с мнением профессора колледжа Колби Девида Фрайденрайха в том, что *Эдикт ‘Умара* и подобные ему документы являются продуктом коллективного творчества *муджтахидов* IX в. Главным доказательством этого является наличие в *Эдикте* реалий, которые не соответствуют эпохе жизни второго праведного халифа. В большинстве версий документа явно прослеживается стремление *факихов* возвысить ислам над другими монотеистическими религиями через *гийар* («различение») – политики использования дискриминационных мер по отношении к *зимми*, которым запрещалась хоть в чем-либо походить на мусульман.

Чтобы понять, каким образом исполнялся этот нормативный акт, мы изучили историю существования Коптской православной церкви в Египте в VII-XIX в. Это помогло нам сделать вывод, что *Эдикт ‘Умара* не был постоянно действующим законом, а положение как иноверцев, так и мусульман зависело от воли властителя.

Во **втором параграфе «Государство и религиозные группы в век модернизации (1805-1952)»** мы описали происходившие с Египтом изменения в эпоху Мухаммада ‘Али и его приемников. Усиление светской власти привело к ослаблению власти религиозной, иноверцы укрепили свое положение и претендовали на равный с мусульманами статус, что нашло свое отражение в законодательстве. Усиление политической роли коптов, вмешательство Великобритании во внутренние дела Египта, а также активная деятельность католической и протестантских миссий стали одной из причин появления радикального национализма (партия «Миср ал-Фатат» («Молодой Египет»)) и исламизма (АБМ). Это не способствовало сохранению религиозного мира. Для того, чтобы «сдержать» рост влияния коптской общины, в Египте были введены 10 обязательных условий для строительства и реконструкции церквей (условия ал-’Азаби), что сделало возведение новых культовых христианских сооружений практически

невозможным. Условия ал-’Азаби стали камнем преткновения в межрелигиозных отношениях во второй половине XX в.

Во **второй главе «Государственная идеология и ее влияние на межрелигиозные отношения»** мы приступили собственно к анализу исламо-христианских отношений в 1952-1981 гг., разделив их на два этапа: **первый параграф «Панарабизм и социализм как путь примирения религиозных групп (1956-1970)»** и **второй параграф «Дестабилизация межрелигиозных отношений в Египте в период расцвета исламизма (1970-1981)»**. Указанные периоды совпадают со временем руководства страной президентами Г.‘А. ал-Насером и ’А. ал-Садатом соответственно. Каждый из этих периодов характеризуется засильем государственной идеологии, в первом случае – *секуляризма*, а во втором – *исламизма*. Глава повествует о том, как государственная идеология может влиять на межрелигиозные отношения, что доказывает практически абсолютную их зависимость от государственного курса. И при Г.‘А. ал-Насере, и при ’А. ал-Садате за исламом был закреплен статус государственной религии, ему оказывалось всяческое уважение. Однако, используя исламские лозунги, Г.‘А. ал-Насер не допускал влияния *шайхов* на политику. Его приемник, напротив, легитимировал их положение как «духовных проводников» общества. При этом ’А. ал-Садат верил, что ему удастся манипулировать духовным сословием. Просчеты президента обернулись для него личной конфронтацией с исламистами и межрелигиозным конфликтом 1970-х гг., вошедшим в историю под названием *фитна та’ифийа*.

В **первом параграфе «Отношения между государством и религиозными институтами в период руководства страной Х. Мубараком (1985-2011)» третьей главы «Работа над ошибками и появление концепции ал-Муватана»** мы разобрали внутреннюю политику Х. Мубарака, который старался учесть недостатки систем своих предшественников. Для этого он стремился укреплять президентскую власть внутри Египта и ограничивать влияние исламистов (в особенности АБМ) на общество. Президент стал поощрять деятельность тех *шайхов*, которые выступали за *васатийу* – течение «умеренного ислама». В рамках *васатийи*, с привлечением идей западных мыслителей, зародилась концепция *«ал-Муватана»*, которая декларировала равноправие мусульман и коптов, «общее гражданство». В 2007 г. принцип *«ал-Муватаны»* был упомянут в Конституции. В этой ситуации взаимодействие между институализированными исламом и христианством облегчалось, подчеркивалось все родственное между ними, особенно что касается неприятия терроризма.

Во **втором параграфе «Государственная религиозная политика в постреволюционном Египте»** представлен анализ характерных черт внутренней политики действующего президента ‘А.Ф. ал-Сиси. Его авторитаризм и борьба с религиозным экстремизмом в целом являются продолжением курса Х. Мубарака. К новшествам в нем

относятся обращение к *«государственным ‘улама’»* с призывом обновить религиозный дискурс и шаги по легализации незаконно построенных церквей. Философия *«ал-Муватаны»* продолжает господствовать в межрелигиозных отношениях.

В **Заключении** автор делает вывод, что исламо-христианские отношения в Египте в 1952-2011 гг. являются следствием скачкообразного развития египетского общества. Базовый уровень, с которого они строятся, заложен в первые века распространения ислама на данной территории. Он выражается в подчиненном положении иноверцев, которые обязаны платить подушную подать за сохранность жизни и имущества, как считают одни *факихи*, в качестве компенсации за освобождение от воинской повинности, как считают вторые, или просто в качестве наказания за отказ принять ислам, как полагают третьи. В действительности, от фискальных поборов страдало не только иноверческое, но и мусульманское население, хотя при введении дополнительных налогов ими облагались, в первую очередь, *зимми*. Возможно, основные неудобства в повседневной жизни христианам приносили бытовые ограничения, которые накладывались на них. К ним относились предписания носить одежду определенного покроя или цвета, запрет ездить на благородных животных, посещать мечети, оскорблять ислам и др.

Все эти приказы могли быть очень разнообразны, отличались в каждую эпоху, но каждое имело одну цель – сделать иноверцев непохожими на мусульман через *гийар*. В связи с тем, что государственная власть в Египте с эпохи Омейадов пытается контролировать религиозную жизнь своих подданных, она же взяла на себя главную роль в выстраивании межрелигиозных отношений. Не за духовенством, а за халифами и их наместниками осталось последнее слово при издании ограничительных указов. Любопытно, что на практике эти распоряжения исполнялись нерегулярно, поэтому юридическое и фактическое положение КПЦ в стране разнилось. Контакты между институализированными исламом и христианством в традиционном обществе были редкими, что свидетельствует о слабой заинтересованности в диалоге друг с другом. Главным источником, из которого стороны могли подчерпнуть знания о вере своих соседей, служили полемические сочинения и хроники.

Оказавшись в непривилегированном положении, копты сплотились вокруг своей Церкви и в сознании мусульман начали полностью с ней отождествляться. После Османского завоевания Египта эта практика была законодательно оформлена в *миллетную* систему, в которой патриарх отвечал перед властями за свою паству. В периоды ослабления патриаршей власти данную функцию брали на себя авторитетные епископы и богатые архонты. В общем и целом, *миллетная* система в XX-XXI вв. никуда не исчезла, а просто приспособилась к новым историческим реалиям (*нео-миллетная* система).

Пришедшее на смену традиции модернизированное общество воспринимало иноверцев

иначе. По-европейски образованная элита мусульман рассматривала коптов как союзников или противников в зависимости от их политических убеждений: лояльности хадиву или стремлению к независимости страны. Роль институализированного ислама и христианства в это время падает, т.к. набирает силу светскость. Межрелигиозный диалог осуществляется через мирян, а не усилиями клириков, которые все так же не проявляли взаимного интереса друг к другу.

Проникновение националистических настроений в религиозную среду наглядно демонстрирует участие *шайхов* и священников в политических процессах. К ним относится деятельность тайных обществ, развитие печати, поддержка антибританского восстания 1919-1922 гг. Мусульманский клир был сильнее вовлечен в политику, нежели христианский, который предпочитал оставаться в тени и делать редкие, осторожные заявления.

Разочарование в парламентаризме подтолкнули *'умму* к принятию панисламских взглядов и, в общем, исламизма. Деятельность АБМ вновь изменила отношение мусульманского большинства к будущему страны. Главная цель политической активности мыслилась не как создание сильного национального государств, а как построение богоугодного общества по законам *шари'ата*. В 30-е гг. XX в. на этой почве обострился межрелигиозный вопрос. Конфликт между АБМ и партией «Вафд», в которую входило много коптов, принял характер межрелигиозного противостояния. В борьбу активно включилась интеллигенция с обеих сторон. Зародившийся в этот период антагонизм между религиозностью и секуляризмом определяет развитие исламо-христианских отношений вплоть до наших дней.

Революция 1952 г. открыла современный этап межрелигиозных отношений. В общем, 50-60-е гг. XX в. характеризуются подъемом национально-освободительного движения и популяризацией идеологий социализма и панарабизма.

В условиях жесткой конкуренции за власть лидер группы «Свободных офицеров» Г.'А. ал-Насер запретил партии на религиозной основе и вынудил АБМ уйти в подполье. В 1961 г. он провел реформу ал-'Азхара, которая сделала университет более современным, но более зависимым от государственной власти. В этом акте отчетливо различимо продолжение политики ослабления духовенства, которая взяла свое начало с деятельности Мухаммада 'Али паши.

При социалистическом строе окончательно сформировались три ветви институализированного ислама, зависимых и соперничавших друг с другом. К ним относится университет ал-'Азхар, Дар ал-'Ифта' и министерство вакфов. Сложность их положения заключается в том, что они дублируют функции друг друга. В частности, до сих пор остается открытым вопрос, *фатвы* какого учреждения имеют приоритет для мусульман.

Патриотическая риторика президента находила отклик у высших иерархов КПЦ. Панарабизм гарантировал коптам равные права, поэтому, неудивительно, что патриарх поддерживал режим Г.'А. ал-Насера, хотя тот и пытался контролировать внутренние процессы в

ней. Необходимо отметить, что именно с этого времени берет начало традиция проведения исламо-христианских конференций, посвященных национальному единству.

Дестабилизация межрелигиозных отношений в 70-е гг. XX в. при ’А. ал-Садате связана с распространением исламистской идеологии, которая предполагала объявление *шари‘ата* главным источником законодательства и возврат к средневековым юридическим практикам. Это и участившиеся нападения на коптов и их храмы стали причиной массовых кровопролитных столкновений, поводом для которых служило строительство новых церквей и использование других помещений для молитвенных собраний.

Разрывающийся между исламистами и президентом верховный *’имам* ‘Абд ал-Халим Махмуд и патриарх Шенуда III смогли обоюдно призвать жителей страны к миру, но дальше официальных обращений дело не пошло.

Ситуация переломилась с приходом к власти Х. Мубарака. Новый президент начал активную борьбу с радикальными исламистами и издал указы об упрощении выдачи разрешений на реставрацию храмов. Ему удалось привлечь на свою сторону Шенуду III, а после поставить во главе ал-’Азхара лояльного М. Тантави. Дружба между первыми лицами общин создавала картину мирного сожительства религий и народного единения. По нашему мнению, успех такого партнерства, в первую очередь, был следствием не столько личной приязни между ними, сколько объединением сил против радикальных исламистов, которые не признавали «официальное» исламское духовенство и подвергали сомнению гражданские права коптов. *‘Улама ал-султа’*, клир КПЦ и чиновники под прицелом видеокамер демонстрировали дружбу и взаимопонимание между собой. Их встречи происходили регулярно. Поводом к ним обычно становились светские или религиозные праздники: годовщина революции 1951 г., окончание Октябрьской войны, ‘ийд ал-’адха и т.д.

«Мубараковский» период знаменателен тем, что в течение его получило активное развитие движение *васатийа*, пропагандирующее умеренный ислам и терпимость. Помимо этого, светская интеллигенция предложила концепцию *«ал-Муватана»*, предполагающая построение религиозной политики в стране на основе общего, равного гражданства с правами и обязанностями. Эта идея активно использовалась властью и даже была включена в Конституцию 2007 г.

После 2011 г. для исламской мысли характерен поиск истоков *«ал-Муватаны»* в священных текстах. В рамках этого движения в Египте создаются организации, «ответственные» за дружбу между религиями. На настоящий момент наиболее активным подобным учреждением является «Дом египетской семьи», деятельность которого направлена на профилактику экстремизма. Руководство ДЕС в лице ал-’Азхара и КПЦ публикует совместные заявления, призывающие к национальному единству, проводит молодежные

встречи, пишет стратегии развития межрелигиозных отношений в Египте.

Главным инициатором подобного диалога является государственная власть в лице президента ‘А.Ф. ал-Сиси. Толерантность к иноверцам органически вписыватся в его политику обновления религиозного дискурса и создания вокруг ислама образа миролюбивой религии. *«Ал-Муватана»* - достаточно удачный пример управления исламо-христианскими отношениями со стороны государства, когда риторика подкрепляется действиями по легализации незаконно построенных церквей и борьбой с экстремизмом.

По теме диссертации были опубликованы следующие работы:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Низамутдинова О. В. Современные межрелигиозные отношения в Египте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т.23, № 6. – С.164–172. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.13
2. Низамутдинова О.В. Отношение к коптскому вопросу шайхов университета ал-´Азхар // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2018. - №6. – С.48-57.
3. Низамутдинова О.В. Жизнь и бунт коптского патриарха Шенуды III (1923-2012) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2018. - Т.160. Кн.6. - С.1418-1430.
4. Низамутдинова О.В. Валеев Р.М. Место журнала «ал-Кираза» в церковной жизни египетских коптов // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2019. - №2. – С.35-43.

Публикации в других научных изданиях:

1. Низамутдинова О.В. Проблематика фильма Усамы Фаузи «Я люблю кино» как отражение современных социальных процессов в коптской общине Египта // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2018. - №3. – С.68-70.
2. Крамаренко О.В. Роль университета аль-Азхар в политической жизни Египта 2011-2014 гг. / Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения: сборник статей. – М.: Издательство ГБПОУ Московский государственный образовательный комплекс, 2016. – С. 576-594.
3. Крамаренко О.В. Роль Анвара Садата в конфликте между Коптской церковью и организацией «Братьев-мусульман» в 1971-1981 гг. / Власть и насилие в незападных

обществах: проблемы исследований: сборник тезисов. – М.: Издательство ГБПОУ Московский государственный образовательный комплекс, 2016. – С. 79-80.

4. Низамутдинова О.В. Революция в исламе: быть или не быть? / Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика: тезисы докладов научной конференции (Москва, 15 апреля 2019 г.). – Москва: Ключ-С, 2019. – С. 303-304.